

ГЛАВА 7

ПРИНЯТИЕ ИСЛАМА КРЕЩЕНЫМИ ТАТАРАМИ И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НА СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

*Кацунори НИСИЯМА,
канд. филологических наук,
профессор Префектурного
университета Шизуока*

Среднее Поволжье и Приуралье были присоединены к Московскому государству во второй половине XVI в. Позже эти регионы стали его восточной окраиной. В период «смутного» времени и крестьянской войны Среднее Поволжье и Приуралье стали эпицентром восстания народных масс, что представляло угрозу для центральной России. Для управления инородцами правительство предпринимало меры социально-культурного характера. Кроме колонизации и промышленного освоения Урала, проводилась политика христианизации. Уже в 20-е и 40-е годы XIX в. началось противодействие христианизации: крещеные инородцы стали переходить в ислам.

Угроза религиозно-культурной целостности империи усилилась в период с 50-х по 70-е годы XIX в. В это время Россия вступила в войну с Турцией (1853-1856 гг.), которую поддержали Англия и Франция. После поражения в войне в России были проведены реформы. Затем последовала вторая война с Турцией. В рамках реформ 60-х годов была осуществлена административная реформа и введены новые методы управления на местах.

Уже в период Крымской войны ходили слухи о том, что правительство собирается принудительно крестить всех мусульман. Мусульмане Среднего Поволжья и Приуралья испытывали тревогу. Многие из них захотели переселиться в Турцию, отказывались платить налоги и нести повинности, требуя отделения от русских общин. В середине 60-х годов развернулось массовое движение крещеных татар. Они представляли прошения с просьбами о принятии ислама. В начале 70-х годов мусульмане во главе с муллами выступали против политики русификации, установления контроля над их школами. Волнения татар происходили и в период Русско-турецкой войны (1877-1878 гг.)¹.

В ситуации угрозы целостности Российской империи Н.Ильминский предложил новые методы управления инородцами. В 60-е годы в Казани была введена его религиозно-педагогическая система. Как одна из систем управления восточными народами она оказала немалое влияние на Сибирь, Степной край и Туркестан. Противостоянию, в период которого она устанавливалась, посвящено немало научных исследований в имперской России, Советском Союзе и других странах². Ряд работ был опубликован и в Японии³.

В настоящей статье автор, опираясь на конкретные документы, ставит своей задачей выяснить, в какой обстановке вводилась так называемая система Н. Ильминского. Кроме того, автор хотел бы проанализировать характер и значение этой системы для имперской России. Анализ опирается главным образом на сведения из поволжских губерний, в частности, Казанской губернии, где проживало самое большое число мусульман, крещеных инородцев и «идолопоклонников». В статье используются документы из сборника, опубликованного Академией наук СССР в 1936 г.⁴

После поражения России в Крымской войне стали проводиться реформы (60-е годы), которые вызвали критику со стороны передовой интеллигенции. Начались крестьянские волнения на местах. В 1863-1864 гг. польское восстание охватило не только Польшу, но и Литву, часть Белоруссии и Правобережную Украину. Среди царских жандармов распространилась версия о казанском заговоре. В 1863 г. их сводки указывали на «необычную ситуацию умов» и движение социальных групп на местах. Жандармы предупреждали о том, что «поляне, служащие и живущие в Казани, будто бы предвидят что-то и надеются на что-то». Они отмечали, что татары поддерживали отношения с Казанью,

Царьградом и С.-Петербургом, а также с «движением татар в Буинске, Нижнем Новгороде и Тамбове». Опасаясь, что «агитаторы» способствуют расширению волнений в Поволжье, они указывали, будто те «усердно стараются пробудить злобу среди раскольников против правительства», которых много в Поволжье и Приуралье⁵. Было ясно, что жандармерия на местах знала о восстаниях на Западе и о движениях полян и предупреждала об опасности, которую представляют собой мусульмане и раскольники, подстрекаемые «агитаторами» из Константинополя⁶.

1. Отзыв Н. Ильминского от 9 февраля 1858 г.

В такой тревожной ситуации правлению Казанской Духовной академии был представлен отзыв, датированный 9 февраля 1858 г., «О причинах отпадения крещеных татар Чистопольского уезда в магометанство и о мерах к отклонению сих отпадений»⁷. Его подписали «профессор академии Гордий Саблуков, экстраординарный профессор Николай Ильминский». Но в действительности он был написан Ильминским⁸. Этот очень содержательный документ является важным историческим источником, свидетельствующим о действительном положении дел в связи с переходом крещеных татар в ислам, об их религиозно-культурной деятельности, а также о политических мерах, предпринимаемых для их образования.

В отзыве было указано число крещеных татар, перешедших в ислам (в то время их называли «отпавшими в магометанство») в приходах Чистопольского уезда: 894 лица мужского пола и 849 лиц женского пола. Старокрещеные составляли в уезде 1154 лица мужского пола и 1266 женского, новокрещеные – 722 лица мужского пола и 631 женского. Сообщая о количестве «отпавших», Ильминский отмечает, что они «относились прежде к новокрещеным»⁹. По данным Ильминского в ислам на основе прошений, переданных царю, перешли 970 лиц мужского пола, что отличается от цифры, указанной в «клировых ведомостях» (894). Это свидетельствует о том, что крещеным татарам в приходах уделялось недостаточное внимание. Они же, в свою очередь, пытались избавиться от надзора со стороны местных церквей.

Кроме того, деревни, в которых жили новокрещенные, нередко находились далеко от приходских сел. В отзыве указано, что крещенные татары, «внутренно наклонные к магометанству, обыкновенно называются именами магометанскими», а не христианскими, которые значатся в церковных документах. «Отсюда должно заключить, что неусердие к православию и внутреннее отпадение к магометанству существует в большей части тех новокрещенных, которых отступничество еще не заявлено официально»¹⁰.

Далее были указаны причины такого «повального отпадения» крещенных татар в Чистопольском уезде. Их крещение происходило «без внутреннего обращения, без полного убеждения их в истине и спасительности христианской веры». Кроме того, «новокрещенные оставлены на жительство между некрещеными, иногда в большом расстоянии от приходских сел», в то время как, например, старокрещенные жили в отдельных от мусульман деревнях. Местному духовенству было трудно следить за жизнью своих новокрещенных прихожан, поэтому при обращении их «обратители не имели мысли обеспечить на будущее время твердости их в православии»¹¹. Наконец, важной причиной перехода крещенных татар в ислам были внешние усилия, способствовавшие «созращению их в магометанство». Ильминский отметил, что под влиянием мусульман не только крещенные татары, но и многие чуваша переходили в ислам¹².

Более подробно Ильминский останавливается на последней причине, то есть внешнем воздействии на культурно-религиозное развитие татар. По его сведениям, когда Казань была завоевана, мусульманское образование было развито весьма слабо. Но оно начало возрождаться, и во второй половине XVIII в. в Казанской и Оренбургской губерниях уже существовали известные медресе. Развитию исламского образования по иронии судьбы способствовала и активная деятельность Свяжской новокрещенской конторы. Из Бухары на казанскую почву были перенесены лучшие традиции. Казанские «муллы-профессора», большей частью получившие образование в Бухаре, поддерживали с ней научные связи¹³.

Отзыв содержит рассказ о развитии исламского образования: об училищах и учителях, религиозных учреждениях и печатных изданиях. В нем отмечается, что в мусульманско-татарских училищах, которые являются частными заведениями, преподавание ислама ведется муллами бесплатно. Это служит «причиною как усердия татарских богачей к

построению училищ, так и терпения и ревности воспитанников и мулл. По-видимому, мусульманское воспитание свободно от того надзора и той ответственности, которыми ограничены частные русские школы и домашнее воспитание»¹⁴. Кроме того, широко распространяются мусульманские книги, печатаются тысячами экземпляров и продаются весьма дешево. Можно дешево купить и Коран, и Гертиека (отрывки из него). Татары с охотой покупают и дорогие книги, если они содержат религиозные наставления¹⁵.

В отзыве представлены сведения о религиозных заведениях и духовенстве. По официальным данным в Казанской губернии имеется 731 мечеть, которую посещают 193922 лица мужского пола, тогда как 450 православных церквей посещают 517315 лиц мужского пола. Мусульманское духовенство составляет 1532 души мужского пола. Отмечается, что каждая татарская деревня имеет мечеть, а иногда две и более. Следовательно, закон, определяющий число прихожан (200), стесняет татар-мусульман. В отчете об их деятельности написано: «Но, впрочем, есть мечети, только не соборные, а пятивременные, без минаретов, и в самых незначительных деревнях, муллы которых живут достаточно только в соседстве крещеных татар»¹⁶.

Такое возрождение религиозно-культурной деятельности татар в силу их «народного характера» направляет их усердие вовне. Их характер – «предприимчивый, хитрый, проницательный и коварный» – проявляется открыто, они считают русских неверными и ведут «татарскую пропаганду» среди некрещеных чувашей, черемис, вотяков и народов степного края. «Этим духом пропаганды и ненавистью к христианству» Ильминский объясняет то, что татары иногда доходят до буйства и насилия против русских, которые приходят для крещения односельчан или соседей-язычников¹⁷. Отмечая «полное удобство для магометанской пропаганды» на местах, Ильминский указывает следующее: «Крещеные татары всегда имеют в близком соседстве магометан, некоторые же новокрещеные, хотя и в незначительной пропорции, живут в магометанских деревнях, вдалеке от приходских сел. Впрочем, и близость сел и священников не может воспрепятствовать успехам магометанской пропаганды. Так, деревня Верхняя Никиткина, где живут злые отступники, всего в двух верстах от приходского села»¹⁸.

Таким образом, возрождение татарской культуры в отзыве названо «мусульманской пропагандой» и указано, что крещеные татары жи-

вут рассеянно среди мусульман и далеко от православных церквей. Отмечается также, что богатые мусульмане в Казани избавляют крещеных татар от долгов и убеждают их перейти в ислам. Муллы, живущие по соседству с крещеными татарами, организуют их свадьбы в мечети. «Или через устное собеседование, или через книги и учение» новокрещенные татары переходят в ислам¹⁹.

Отзыв завершается рассуждением о прежних и новых мерах против перехода крещеных татар в ислам. Уже в 1827 г. массовый переход крещеных татар в ислам произошел в Казанской и Симбирской губерниях. В 40-е годы Николай I принял серьезные меры²⁰. В 1846 г. последовало высочайшее повеление перевести на татарский язык православные богослужебные книги. Но тогда в Казанской епархии ни один священнослужитель не оказался способным это сделать. Тем не менее в 1847 г. богослужебные книги все-таки начали переводить²¹.

В начале учебного 1854-1855 года при Казанской духовной академии было открыто миссионерское антиисламское отделение, куда поступило двенадцать студентов – пять на высший и семь на низший курс. Первые пятеро студентов закончили Академию в конце 1856 г., а из семи на том отделении остался только один, другие же перешли на противораскольническое отделение. Охлаждение студентов к антиисламскому отделению объяснялось трудностями в обучении и плохими перспективами²².

Тридцать первого августа 1857 г. вышел Синодальный указ, касавшийся перешедших в ислам крещеных татар²³. В соответствии со статьей 1162 Уложения о наказаниях за обращение кого-либо из подданных в нехристианскую веру было установлено наказание, а инородцу, обратившемуся из одной нехристианской веры в другую, никакого наказания определено не было²⁴. В отзыве осуждаются муллы, которые представляли обращение инородцев в ислам «делом собственного, ни от кого не внушенного расположения»²⁵.

Таким образом, сообщая о недостаточности предпринимаемых мер по противодействию переходу крещеных татар в ислам, Ильминский предложил пять конкретных направлений работы. Во-первых, введение в мусульманских училищах русского языка и некоторых предметов, преподаваемых в русских училищах. Это поможет устранить враждебное православию влияние и будет «способствовать смягчению настоящей односторонности и фанатизма татар». С этой целью было предложено бесплатно

раздавать учебники, переведенные на татарский язык, заинтересованным ученикам. Во-вторых, сближение с мусульманами образованных русских, которые знакомили бы их с «нашим» пониманием религии и наук. При этом была подчеркнута важная роль г. Казани: «Казань есть центральное место, распространяющее влияние на отдаленные губернии, где есть татары: то здесь преимущественно должно сосредоточить возможно большее число воспитанников академии, обучавшихся на противомогетанском отделении, или в виде наставников семинарии, или в виде священников ближайших к татарским улицам церквей, каковы в Казани суть: Тихвинская и Борисоглебская»²⁶.

Если целью первых двух мер являлось смягчение «исключительного фанатизма мусульман», то далее требовалось устранить соблазнительную близость крещеных татар к мечетям и муллам. Отмечалось, что необходимо запрещать строить мечети или даже пятивременные там, где не достигнуто узаконенное число мусульман (200 лиц мужского пола). Кроме этого, должны быть осуждены муллы мечетей, которые находятся по соседству с крещеными татарами, за то, что получая от них содержание, они несомненно интересуются «совращением» их²⁷.

В качестве четвертой меры предлагалось немедленно поставить резолюцию над прошениями о переходе в ислам и удалить «немногих фанатиков в отдаленные губернии», поскольку ими внушены были идеи, результатом которых стали эти прошения²⁸.

Таким образом, были предложены следующие меры: (1) русификация мусульманских училищ, (2) культурно-религиозное наступление на мусульманство г. Казани с помощью «сближения», (3) контроль за действиями мулл и построением мечетей, (4) строгое отношение к отступникам. Пятое же предложение представляло суть системы Ильминского: «основательнейший и мирный способ утвердить истинную веру в народе есть воспитание в лета первой молодости в правилах и понятиях этой религии». От кратковременных увещеваний переезжающего с места на место священника при наличии предубеждения против него отступников нельзя ожидать хороших результатов. Для утверждения крещеных татар в истинной вере училище суть «лучшее средство» и «главнейшее орудие»²⁹.

Следует начинать со старокрещеных и новокрещеных, открыто не отпадавших от православия. Со временем следует развить образование, привлекая детей отступников в училища. В училищах на протяжении трех или четырех лет следует преподавать, кроме русской грамматики и

чистописания, такие предметы, как православный катехизис, священная история, Ветхий и Новый Завет, Евангелие, Псалтырь и др.³⁰ Такое образование опирается на русский язык и православную веру.

Но эти предметы вместе с русским языком должны преподаваться в переводе на татарский язык, чтобы изучаемые истины «непосредственнее принимались умом и усвоились сердцем». Перевод должен быть сделан «на языке, совершенно понятном для крещеных татар, т.е. на разговорном». Требуя перевода на разговорный, а не на книжный язык, автор указывает: «В случае недостатка... слов для выражения некоторых христианских понятий лучше поставить русские слова, нежели употреблять арабские, всегда более или менее проникнутые магометанскими идеями». В отношении имен собственных указано, что их «непрерменно нужно писать по русскому произношению». Автор настаивал на том, чтобы чада «юной татарской церкви» и церкви российской «славили и воспевали Бога не только единым сердцем, но, по возможности, и едиными устами», и предупреждал: святейшие имена христиан в мусульманском произношении могут вызывать в умах татар соблазнительные предикаты³¹.

Ильминский и настоял на употреблении русского алфавита применительно к татарским звукам. Целью этого было отмирание культурных связей между православными татарами и татарами-мусульманами. В отзыве было представлено обоснование, включающее следующие четыре пункта: 1) алфавит всегда принимался с верой. Как церковь Западной Европы использует латинский алфавит, так и мусульманские народы приняли с «учением арабского лжепророка» арабский алфавит; 2) знание арабской грамоты вредно из-за получения доступа к «магометанским книгам»; 3) из старокрещеных татар почти никто не знает арабской грамоты; 4) арабский алфавит не соответствует татарскому произношению и, напротив, русский алфавит без особых затруднений может выразить татарские звуки³².

Здесь ярко проявилось намерение Н.И.Ильминского крепко связать крещеных татар с православием, вырвав их из-под влияния татаро-мусульманской культуры и ассимилировав с русскими. Эти доводы напоминают дискуссию о языках и новой письменности, развернувшуюся в 20-е годы XIX в. в Поволжье и Приуралье, в которой придавалось большое значение разговорному языку и которая носила антирелигиозный характер³³.

В отзыве утверждалось, что за четыре года дети крещеных татар усвоят в достаточной мере христианскую веру и что «их воспитание должно составлять главное дело миссионеров». В дальнейшем миссионеры смогут оказывать влияние на взрослых крещеных косвенно, с помощью своих воспитанников и переведенных на татарский язык христианских книг, и прямо – через личное сношение с ними³⁴.

Таким образом, пятой мерой являлось воспитание, с помощью которого следовало укреплять среди крещеных татар православную веру. В отзыве указано, что одной из причин перехода в ислам было развитие татарского религиозно-культурного движения, которое названо «татарской пропагандой», представляющей угрозу для целостности Российской империи. Был представлен ряд конкретных мер по противодействию этой «пропаганде». Однако потребовалось еще 10 лет для претворения идей Ильминского в жизнь. Прежде чем говорить об их реализации, необходимо обратиться к исторической ситуации, в условиях которой произошел переход крещеных татар из православия в ислам.

2. Формы перехода крещеных татар в ислам

В 1866 г. в Среднем Поволжье произошел массовый переход крещеных татар в ислам. В прошении от 23 декабря 1866 г., представленном министру внутренних дел, татары пяти деревень Буинского уезда Симбирской губернии так объясняли свое положение. «Лет 150 тому назад прадеды наши приняли христианство, но умерли, не приведя в эту веру своих детей. Деды и отцы наши оставались в магометанстве, а за ними и мы. Между тем русское духовенство по метрическим книгам вело поколение наших прадедов номинально христианское – оно не исправляло у нас никаких христианских обрядов, нас не крестили, не венчали, не исповедывали, не причащали и не хоронили русские священники, но, являясь только в наши деревни, справлялись о родившихся и умерших и записывали нас в книгах русскими именами по своему усмотрению, так что из нас не знает никто русского имени. Если духовенство встречало отказ в сведениях подобного рода, то жаловалось начальству за то, что будто бы мы отступники от христианской веры...»³⁵

Из прошения становится ясно, что после официального обращения в христианство крещеные татары не выполняли никаких христианских обрядов, в действительности они продолжали исповедовать ислам. Другое прошение составили татары – купцы из г. Буинска. Датированное 3 сентября 1866 г., оно содержит просьбу к царю Александру II разрешить им исповедовать мусульманскую веру: «1) ни мы, ни древнейшие предки наши с незапамятных времен никогда не исполняли христианских обрядов; храмов православных не посещали, в чем может удостоверить все окружающее нас русское население крестьян, и 2) если местные гражданские и духовные власти обязывали нас заявлять о родившихся, умерших и браком сочетавшихся, тем не менее никогда не принуждали ходить в церкви для исполнения христианских обрядов, именуя только по спискам православными именами и не возбраняли отправлять мухамеданскую веру; умерших мы хоронили и хороним на своих кладбищах, т.е. татарских, и именовались двойными именами русскими и татарскими. Словом, до последнего времени отправляли и отправляем беспрепятственно мусульманскую веру»³⁶. Являясь христианами согласно метрическим книгам, в действительности они выполняли обряды мухамеданской веры.

Касательно крещения детей Н.Ильминский сообщал в отзыве о событии, произошедшем в деревне Верхняя Никиткина Чистопольского уезда Казанской губернии. Двадцать шестого ноября 1857 г. помощник уездного окружного начальника со становым приставом, местными духовными лицами и понятыми появились в деревне Верхняя Никиткина. Их целью было «отобрание у отступников и крещение незаконно-рожденных детей». Но «отпадавшие от истинной веры татары» сопротивлялись и объявили «единогласно», что они этого не позволят до тех пор, пока не получат ответ на просьбу. Это повторилось 11 декабря³⁷.

Русские имена, данные татарам при крещении, носили официальный характер и не имели для них большого значения. Ильминский отметил, что «крещеные татары, внутренне наклонные к магометанству, обыкновенно называются именами магометанскими, так что христианские имена их значатся только по церковным документам»³⁸. В прошении арестованных от 21 июля 1867 г. было указано: «Если мы именованы русскими именами... но сами положительно ничего не знаем... и христианское исповедание в жительство наших никто не исповедывал»³⁹.

После крещения и получения русских имен крещеные татары в переходный от детства к юности период должны были выполнять обряды христианства. Но они также исполнялись нерегулярно. Крещеные татары Буинского уезда, представляя прошение министру внутренних дел, требовали дознуть русские алтарные книги. Они указали, что в алтарных книгах христиане записываются с семилетнего возраста после исповеди и святого причастия. Местный духовный пастырь должен был доносить епархиальному начальству о тех, кто не исповедывался и не причащался более трех лет⁴⁰. Они попросили сохранить прежнее исламское вероисповедание, требуя доступа к данным алтарных книг.

Согласно прошению отступников Чистопольского уезда, их принудили обратиться в христианство «силою и угрозами наказанием». Они разъяснили свое положение следующим образом: «Законных жен и детей по магометанскому закону отнимают, дети наши по 9-й ревизии в №№ записаны в тех семействах, откуда взяты жены наши, из других уездов и волостей, подати и повинности вносим туда, где они числятся, выдача паспортов и билетов на необходимые нужды выдаются с трудом, от таких притеснений множество народа находится в отлучках и по сие время»⁴¹.

Возникали также конфликты, связанные с похоронным обрядом. В этом отношении интересно событие, которое произошло в деревне Большой Сулабаш Казанского уезда. Шестого июня 1866 г. умерла крещеная татарка Акулина Павловна. Татары заявили Алатскому волостному управлению ходатайство о дозволении «предать ее земле по магометанскому обряду». Восьмого июня пристав 2-го стана сообщил священнику села Алат о ее похоронах. Но крещеные татары не позволяли похоронить умершую по христианскому обряду. Двенадцатого июня пристав прибыл в Сулабаш и попросил мужа покойной отвезти ее тело в село Алаты для погребения по-христиански. Но ее муж, Максим Федоров, который по-татарски звался Ишимьяром Ишимовым, с прочими крещеными татарами отказались от этого. Он заявил, что они оставили христианскую веру и исповедуют магометанскую и ее тело не отдадут. Пятнадцатого июня в деревне Сулабаш помощник исправника вместе с приставом и понятыми приступили к выемке тела покойной из ямы во дворе Федорова. Но татары, взяв палки, воспрепятствовали этому. Двадцать шестого июня уездный исправник, прибыв в деревню Большой Сулабаш, произвел дополнительное дознание. Местный приходс-

кий священник попытался увещевать крещеных татар, но безрезультатно. Эти события явились причиной вызова воинской команды⁴².

В другом прошении крещеных татар Буинского уезда было выражено требование разрыть могилы, чтобы доказать магометанское исповедание покойных: «похоронен ли кто из магометан так, как русские имеют рукопись в руке и бумажный венец на голове, чего магометане не делают, а исполняют этот похоронный обряд по Моисееву закону»⁴³.

Таким образом, крещеные татары в силу раздвоенности их религиозной жизни – формально они были христианами, а в действительности мусульманами – страдали от притеснений со стороны местного начальства и церквей. В деревне Верхняя Никиткина Чистопольского уезда новокрещеные татары носили на головах татарские шапочки. Местный священник обратился к ним с увещеванием оставить шапочки как принадлежность магометанскую. Но они ответили, что если он будет настаивать, то они «отпадут в магометанство»⁴⁴.

При выдаче паспортов и разных свидетельств, при уплате налогов и отбывании повинностей новокрещеные татары испытывали трудности из-за религиозной двойственности их жизни. Переход из православия в ислам был одним из путей избавления от притеснений. Иногда они стремились составить отдельную от русских общину. Это шло вразрез с русификационными мерами, которые принимались для того, чтобы отделить их от мусульман и наставить на путь православия. Крещеные татары в Буинском уезде отказались внести деньги как на поддержание церквей, так и на содержание сельских школ. Они организовали отдельные корпорации и не участвовали в общественных делах и приговорах⁴⁵. В деревне Бюрган того же уезда они попросили об отделении от русских, отказались внести деньги для найма караульщиков в приходскую церковь и на строительство нового храма в селе Бурундуки. Волостной старшина приступил к изъятию лошадей у крещеных татар и продаже их для восполнения платежей. Сопrotивление татар привело к применению силы, была вызвана воинская команда⁴⁶.

Крещеные татары деревни Бюрган попросили предоставить им, а равно и прочих многих вер народам «общие права с правами всякого русского верноподданного крестьянства». В прошении от 18 мая 1868 г. они обратились к царевичу Александру: «Мы по природному нашему происхождению никогда других вер не принимали и от своей магометанской не отступали и оную исполняем [и просим] оставить нас при оной;

и как мы равно и прочих многих вер народы верноподданные нашему всемилостивейшему государю, предоставить нам общие права с правами всякого русского верноподданного крестьянства при исполнении нами всех должных государственных повинностей»⁴⁷.

Следует отметить, что вернувшихся в мусульманство не всегда принимали как равных в татарско-мусульманской среде. Их называли «мөртәт», что в переводе на русский означает «отпавший». (Этот термин часто использовали и православные миссионеры.) Для них были отведены отдельные унижительные места у входа в мечеть, особые участки для похорон усопших, часто за пределами кладбища. Багаутдин Хамзин, один из отпавших, в подобной ситуации основал в деревне Чутееме Свияжского уезда Казанской губернии новое движение за возвращение к истокам мусульманской веры⁴⁸.

3. Н. Ильминский и Казанский архиепископ Антоний

Летом 1866 г. Н. Ильминский написал письмо и. д. обер-прокурора синода Д.А.Толстому. Уже минуло 8 лет с тех пор, как он представил отзыв правлению Казанской духовной академии. Это письмо, датированное 11 июля 1866 г., было написано в условиях массового перехода в ислам, который начался в январе того же года и грозил охватить всю губернию. Ильминский с опасением отметил: «У нас раскол и магометанство в высшей степени ратует против православия». Он считал, что духовенство во главе с Казанским архиепископом не смогло справиться с ситуацией⁴⁹.

Он подробно описал Д.А.Толстому то, что им было сделано. Вместе с вице-губернатором Е.А.Розовым они объявили татарам об отказе царя в их требовании. Тогда почти целая губерния была под влиянием массового «отпадения», особенно после ареста и освобождения «главарей отступнических попыток». Поездка была пятидневной и ограничивалась окрестностями г. Казани. Ильминский посылал оперативные сообщения и по результатам поездки представил содержательные предложения. Он отметил, что несмотря на отказ отступники остались в «ожидании царской милости». Ильминский потребовал немедленно пере-

слать их прошение в Казань «с надписью», что царь повелел отказать в их просьбе, чтобы они перестали ожидать решения вопроса в свою пользу. В отношении «вредных пропагандистов» он поддержал жесткие меры, предложив «растасовать и сослать сильнейшим образом всех заводчиков, а главного двигателя порешить торжественно военным судом для острастки других»⁵⁰.

После «дела грустного» в письме сообщалась «светлая сторона». Она относилась к деятельности Василия Тимофеева по православному образованию в Мамадышском уезде. Ильминский писал: «Вообще в Мамадышском уезде образуется крепкое ядро ревнителей и учителей православия. Школа наша становится теперь единственным и благонадежным оплотом против отступления»⁵¹. Ильминский также добавил, что школьное дело пользуется поддержкой со стороны вице-губернатора, «по его внушению» губернатора и попечителя университета П.Д.Шестакова⁵².

Далее он выразил глубокое недовольство деятельностью местного духовенства во главе с архиепископом: «Все начинают участвовать и действовать, а владыка – увы! – забился в свою монашескую келью и как будто знать ничего не хочет. Забыл он, что в цветущие, образцовые времена христианства самые строгие отшельники фоваиды оставляли свою пустыню и шли в шумный город, чтобы принять деятельное участие в делах веры. Не забыл ли он и того евангельского примера, как добрый пастырь идет в горы и дебри разыскивать одну заблудшую овцу? Духовенство не умелое: в продолжение 10-ти лет, как он в Казани, поговорил ли он хоть с одним священником от души, по-человечески, чтобы войти в нужды приходские, чтобы дать наставление как жить и души спасать и прихожан в православии утверждать и просвещать?»⁵³

Строгую оценку Казанскому архиепископу Афанасию (Соколову) дал не только Ильминский. В Казанской епархии раздавались и другие недовольные голоса, которые требовали назначения другого архиепископа. Викарий Казанской епархии, епископ Чебоксарский Гурий в письме к обер-прокурору Синода от 5 ноября 1866 г. просил прислать «архипастыря с головою посвежее, с волею порешительнее, с характером потверже, с манерами помягче»⁵⁴. Девятого ноября того же года Казанский архиепископ вместо Афанасия, пассивно относящегося к переходу татар в ислам, назначил Антония⁵⁵.

В столице Синод разъярил свое строгое отношение к отступникам. В отношении от 26 января 1867 г., отправленном министру внутренних дел, обер-прокурор Д.А.Толстой указал, что «самою прочною и рациональною мерою в настоящем деле является распространение между татарами здравых нравственно-религиозных понятий». Он отметил, что «дерзкая пропаганда Корана может теперь же отторгнуть от христианства тысячи людей и потому вызывает необходимость теперь же ее остановить мерами административными»⁵⁶.

Антоний сразу же после его назначения архиепископом, 24 января 1867 г. написал обер-прокурору Синода письмо, где жаловался на вялость начальства в борьбе с нарастающей волной «отпадения». В письме говорилось: «Репрессивные меры теперь пока совершенно необходимы. Успокоив ими волнение, можно и должно будет приняться за дело просвещения темной страны здешней иным способом, но теперь без репрессивных мер совершенно бесплодны будут все усилия. Без переселения нескольких десятков, а может быть и сотен из здешнего края наиболее беспокойных нельзя обойтись, и оно произведет действие самое благотворное... Ведь же высылают поляков из Западного края для успокоения и очищения оного от польского духа: почему же бы не употребить сей необходимой меры относительно татар в здешнем крае?»⁵⁷

Будучи под впечатлением от восстания 1863-1864 гг. в Польше, архиепископ Антоний писал: «В западных наших губерниях столько зла... чрез непомерное развитие и усилие... польского и латинского элемента в ущерб русскому и православному»⁵⁸. Архиепископ Антоний родился и воспитывался в семье православного духовенства на восточной окраине империи, а служил на западе империи – в Киеве и Смоленске. Борьба с польским духом и латинским элементом, которую он вел на западе, сменилась борьбой с мусульманством и «отпадением» в Казани. Об этом свидетельствует его рапорт, посланный в Синод 12 августа 1867 г. Согласно рапорту, Казанский губернатор в письме архиепископу Антонию от 7 июля сообщил, что перешедшие в ислам татары Свяжского уезда под внушением свяжского исправника и двух священников обещали снова стать православными. Девятого июля он предложил Казанской духовной консистории издать предписание, чтобы протоиерей г. Свяжска со священниками объехали все деревни их приходов, где есть «совратившиеся» татары. Двадцать девятого июля

протоиерей Петр Фальков представил Антонию рапорт о своей поездке⁵⁹. Получив указ духовной консистории, 16 июля протоиерей Петр разработал «план действий на заблуждающихся». У него было заготовлено 1025 шейных медных крестов и 160 различных икон. Семнадцатого июля он отправился в путь. Прибыв в местное управление полиции, протоиерей переговорил с двумя арестантами, содержащимися под стражей по делу о переходе в ислам. Он долго убеждал их, и после «многих и разных... отговорок и возражений» наконец один из них изъявил согласие перейти в православие. Он дал Фалькову подписку, что будет «впредь навсегда пребывать в послушании святой православной церкви и исполнять все христианские обязанности». Будучи «несказанно утешен сею милостию божиею», протоиерей Петр того же 17 числа отправился в с. Кулангу. В Кулангинском приходе более 700 крещеных татар обоего пола перешли из православия в ислам. Приходский священник Охотин и пристав 2-го стана Свияжского уезда содействовали Фалькову в объезде. Девятнадцатого числа они принесли «молебное с коленопреклонением пение пречистой богородице» и отправились в деревню Азбабу⁶⁰.

Там уже сельским начальством были собраны крещеные татары в количестве 24 глав семейств. Их убедили оставить свое «заблуждение»; также им было обещано, что если они обратятся в православие, то им не будет никакого наказания, тем более переселения, которого они особенно боялись. После продолжительных увещаний татары выразили согласие стать православными. Тут же протоиерей Петр возложил на них кресты и собрал подписки. Затем он провел моление с коленопреклонением господу Богу и освящением воды. Затем он обошел дома и окропил их святой водой. В каждом из домов в красном углу поставили иконы. В тот же день, то есть 19 числа, были возвращены в православие 158 душ обоего пола и окрещены 9 младенцев. После наставления «не слушать соблазнительей, а слушаться во всем своего приходского священника» Фальков отправился в следующую деревню⁶¹.

Таким образом, объезжая приходские деревни, протоиерей и приходские священники при помощи местного начальства возвращали в православие крещеных татар, перешедших в ислам. Двадцать шестого июля Фальков вернулся в г. Свияжск и вновь посетил полицейское управление, где увещевал трех крещеных татар. В результате 12 душ обоего пола (включая их семьи) изъявили согласие присоединиться к

православию. Так закончилась миссионерская поездка Фалькова. С 17 по 26 июля, в течение 10 дней он вместе с двумя местными священниками и при помощи полиции вернул в православие 263 души обою пола из отошедших от православия татар и окрестил 11 младенцев⁶².

После поездки протоиерей Петр представил «замечания» по делу о возвращении в православие перешедших в ислам крещеных татар и предложил принять следующие меры: 1) отказать в удовлетворении просьб крещеных татар о переходе в ислам и вернуть их как незаконными; 2) немедленно осудить и наказать поверенных татар, перешедших в ислам, и лишить их всякой надежды на такой переход в будущем; 3) открыть миссионерство в каждом уездном городе; 4) основать миссионерские училища для обучения детей крещеных татар; 5) строжайше запретить брать с них плату за все требы, кроме полагающейся руги и добровольных даяний; 6) обязать священников активно проповедовать христианство среди перешедших в ислам татар⁶³. Эти «замечания» примечательны тем, что наряду с репрессивно-административными мерами в них были предложены пути разрешения проблем образования и изменения отношения православного духовенства к крещеным татарам.

Антоний сообщил о «замечаниях» Фалькова святому правительственному Синоду и согласно 1-му и 2-му пунктам «замечаний» потребовал от Казанского губернатора распоряжения насчет тех мусульман, которые подстрекают татар. По поводу 5-го и 6-го пунктов Антоний разослал циркуляр духовенству тех приходов, где жили крещеные татары. В нем он запретил вымогать плату за любые требы и приказал, «чтобы священники как можно чаще посещали те селения, где есть крещеные татары, и самые дома их, не ожидая приглашения для совершения каких-либо треб; узнавали, носят ли все и взрослые и дети кресты, и есть ли везде в домах и в приличных местах иконы, и содержатся ли оные в должной чистоте, а также научали всех, особенно же детей, молитвам, крестному знамению и начаткам катехизиса»⁶⁴.

«Замечания» Фалькова совпали с мнением архиепископа Антония. Что касается 3-го и 4-го пунктов, то их реализацией занялся Н.Ильминский. Четырнадцатого сентября, то есть почти через месяц после составления рапорта (12 августа), Антоний написал обер-прокурору Синода следующее: «Никакого нет сомнения в том, что татары-мусульмане и в здешнем крае не питают симпатии к русскому народу и прави-

тельству и более сочувствуют единоверцам своим в Турции и других странах мусульманских... В Крымскую войну очень мало было видно патриотизма в здешних татарах, и взятые из них рекруты во множестве дезертировали из армии, а после войны немалое число татарских семейств готово было вместе с крымскими татарами выселиться в Турцию.»⁶⁵ Проявляя недоверие к татарам-мусульманам, Антоний отметил, что «самую главную опору мусульманства» составляют мечети и муллы, и настоял на принятии решительных мер по ограничению их числа. Его предложения, пройдя через бюрократическую волокиту, были осуществлены правительством в 80-е годы⁶⁶.

Православная церковь во главе с архиепископом Антонием приняла суровые меры по делу перешедших в ислам. Получив сообщение от Антония, Казанский губернатор Н.Я.Скарятин 6 мая 1867 г. обратился к министру внутренних дел П.А.Валуеву с представлением, чтобы мулла и четверо крестьян как подстрекатели к переходу крещеных татар в ислам были высланы в Восточную Сибирь. Губернатор объяснил необходимость такой меры тем, «что переход из православия в ислам, если не уменьшится, то по крайней мере не будет так распространяться»⁶⁷. Он вменил в обязанность свияжскому уездному исправнику придать этой высылке «возможно большую огласку». Это указание было дано с целью «внушить при этом прочим татарам прекратить их упорство»⁶⁸.

Свияжский уездный исправник рапортом от 5 июля доложил губернатору об исполнении этих суровых мер. Рапорт интересен тем, что показывает, какими были меры по делу отступников и каким способом перешедшие в ислам татар были возвращены в православие. Согласно рапорту, ситуация была следующей. Крещеные татары всех селений были предварительно оповещены «для придания большой огласки этому случаю». Были вызваны сельские старосты, полицейские сотские и волостные старшины ближайших трех волостей. Кроме этого были приглашены двое священников в деревню Салтыганову, где жил мулла-«подстрекатель» к переходу в ислам. При значительном стечении людей было объявлено, что мулла и четверо крестьян переселяются в Туруханский край «за совращение крещеных татар в магометанство». И исправники, и священники убеждали остальных татар прекратить их «упорство». Объявление о переселении и внушение, сделанное татарам, имело положительный результат. Все находившиеся там креще-

ные татары (до 200 человек), отпавшие в ислам, «во всеуслышание дали обещание снова стать православными, детей своих крестить, умерших хоронить и сводные браки обвенчать по обрядам православной церкви», при этом они сбросили со своих голов тюбетейки⁶⁹. Губернатор сообщил об этом архиепископу Антонию. Он побуждал Антония распорядиться о том, чтобы местные священники, пользуясь сильным впечатлением, произведенным на крещеных татар высылкой, укрепили их в желании перейти в православную церковь⁷⁰.

Министерство внутренних дел, Казанский губернатор и архиепископ объединили свои усилия. «Подстрекатели» были высланы в Сибирь, «упорные отступники» – арестованы и заключены в тюрьму. Иногда у них отбирали для крещения детей. Этим мерам старались придать как можно больше огласки. Состоялись также и судебные процессы. Но отпадение продолжалось. В такой ситуации более действенными оказывались административно-карательные меры, принимаемые начальством на местах в срочном порядке. Духовные лица, в свою очередь, стремились самостоятельно и независимо от местных властей проповедовать среди отступников. Но их деятельность была тесно связана с административно-карательными мерами и должна была быть согласована с ними⁷¹.

Н.Ильминский не ограничился тем, что сопровождал вице-губернатора в его поездке. Перед отъездом, 21 марта 1866 г. он написал письмо обер-прокурору Синода Д.А.Толстому и предложил ему план миссионерских экспедиций. Ильминский серьезно опасался, что этим разъездам могут придать официальный характер, и указал в письме: «Известно, как у нас вообще все официальные лица мало пользуются доверием народа, тоже и у татар». Он настаивал: «Нужно, чтобы татары видели в миссионере частное лицо, т.е. не обязанное службой... Это необходимо для доверия, которое, в свою очередь, есть необходимое условие успеха»⁷².

Подчеркнув недоверие к официальным лицам со стороны татар, он считал, что сокрытие официального характера экспедиций – необходимое условие успеха миссионерства. Нет сомнений в том, что причиной этого недоверия был социальный разрыв между властями и крестьянами-татарами. Далее он потребовал повысить общественное положение крещеных татар следующим образом: «Они (крещеные татары. – К.Н.) все государственные крестьяне, а из числа магометан есть капи-

талисты, почетные граждане, коммерции советники, чиновники. Такой перевес магометан подавляет крещеных татар. Замечено, что когда крещеный вздумает вести торговлю, то он всегда делается клиентом магометанского капиталиста, а это ведет к потере православия. Магометанские богачи в этом отношении точь-в-точь наши раскольники. Мне и хочется крещеных торговцев поставить в покровительство русских православных купцов»⁷³.

Таким образом, Ильминский считал, что для успеха миссионерской деятельности необходимо скрыть ее официальный характер, повысить положение крещеных татар, вывести их из-под господства татарских капиталистов и взять под покровительство русских православных купцов. Его мнение поддержали духовенство во главе с архиепископом Антонием, дворянство и купечество на местах. Наконец благодаря поддержке губернской администрации 4 октября 1867 г. было основано Братство святителя Гурия. Святитель Гурий был назначен первым епископом после завоевания Казанского ханства, таким образом, это братство имело задачей нести христианство в среду инородцев на Среднем Поволжье и Приуралье. В течение первых лет своего существования его возглавлял попечитель Казанского учебного округа П.Д.Шестаков, приверженец Ильминского. Сам Ильминский числился одним из соучредителей братства, но в действительности был его руководителем. Братство ставило следующие цели:

«1) содействие утверждению в вере православной крещеных инородцев, воспитание детей их в духе православия: а) чрез заведение инородских школ и распространение книг на их народных языках; б) чрез устройство среди инородческого населения церквей;

2) содействие распространению св. веры христовой между иноверным населением Казанской епархии, магометанами и язычниками»⁷⁴.

В период массового перехода крещеных татар в ислам Н.Ильминский создал систему православного воспитания инородцев на их «народных» языках, которая имела целью как бы заново присоединить восточную часть империи, опираясь на православие. Система Н.И.Ильминского была установлена в 60-е годы, когда волна массового перехода крещеных татар в ислам охватила Среднее Поволжье. В ее становлении важнейшую роль сыграли такие влиятельные политики, как Д.А.Толстой и К.П.Победоносцев. Необходимо также отметить видную роль архиепископа Казанского Антония.

Система Ильминского была одной из систем православного миссионерства. В подобной ситуации и в тех же условиях Багаутдин Баисов открыл в Казани молитвенный дом, где учил «истинной вере» на основе болгаризма. Исмаил Гаспринский под влиянием системы Н.Ильминского ввел новый (звуковой) метод обучения арабскому алфавиту, заложил основу новых (джадидских) мектебе и медресе в России.

Система, введенная Н.Ильминским в Среднем Поволжье, стала одной из важнейших православных систем в области образования инородцев. Ее задачей была интеграция восточных регионов, где проживали инородцы, в Российскую империю. Ее пытались применить и в таких окраинах, как Сибирь, Степной край и Туркестан. Но в начале XX в., когда имперские порядки пошатнулись, система Ильминского изжила себя. Среди православных деятелей появились такие, кто поддерживая в целом систему Ильминского, настаивал на свободе веры и отделении церкви от государства⁷⁵.

В период русско-японской войны и первой русской революции так называемое отпадение крещеных татар в ислам стало распространяться с новой силой. Правительство во главе с премьер-министром П.А.Столыпиным вновь занялось проблемами образования инородцев и регулированием религиозной деятельности для поддержания целостности Российской империи⁷⁶.

Примечания

¹ Морозов И.Л. Экономика татарской пореформенной деревни и массовое движение татарского крестьянства в Татарию 50-70-х годов XIX в. // Аграрный вопрос и крестьянское движение 50-70-х годов XIX в. М; Л.,1936. С. XIX.

² Например, во Франции: Saussay J. Il'minskij et la politique de russification des Tatars. 1865-1891. Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. III-3 (juillet-septembre 1967); Idem. L'apostasie des Tatars christianisés en 1866. Ibid. Vol. IX-I (1968). В США после 70-х годов был опубликован ряд статей. Kreindler I.T. Nikolai Il'minskii and Language Planning in Nineteenth-Century Russia // International Journal of the Sociology of Language. Vol. 22 (1979); Blank S. National Education, Church and State in Tsarist Nationality Policy; Il'minsky System // Canadian-American Slavic Studies. Vol.17 (1983). № 4; Dowler W. The Politics of Language in Non-Russian Elementary Schools in the Eastern Empire.1865-1914 // Russian Review. Vol. 54 (1995). № 4. В последние годы появились следующие замечательные труды: Robert P. Geraci. Window on the East. National and Imperial Identities in the Late Tsarist Russia. Cornell University Press, 2001; Paul W. Werth. At the Margins of Orthodoxy.

Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region. 1827-1905. Cornell University Press, 2002.

³ *Ямаучи Насаюки*. Мечта Султан-Галиева. Токио, 1986; *Он же*. Божья, зеленая и красная армии. Токио, 1988; *Окумура Йоити*. Исследование о политике русификации восточных народов в Российской империи: Мастерская диссертация. Университет Хоккайдо, 1993; *Он же*. О политике просвещения восточных народов царизмом во второй половине XIX в.: исследование характера «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (1870) // История образования в Японии. №. 39. 1996. October.

⁴ Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX в.: Мат-лы по истории народов СССР. Вып. 6. М.:Л., 1936 (далее – АВКДТ).

⁵ Там же. С. 454-55.

⁶ Офицер жандармерии из Симбирска в своем секретном докладе указал, что в связи с переходом крещеных татар в ислам существует инициатива «лиц социалистического направления» (Там же. С. 270).

⁷ Там же. С. 220.

⁸ Там же. Прим. 25. С. 449. Г.С.Саблуков являлся в то же время профессором духовной семинарии.

⁹ Там же. С. 220-221. В Чистопольском уезде было самое большое количество перешедших в ислам во всей Казанской губернии. Е.Малов указал, что в 1862-1863 гг. их число составляло 3152 человек и все были новокрещеными (*J. Saussay. L'apostasie des Tatars... P. 29*).

¹⁰ АВКД. С. 221.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 222.

¹³ Там же. С. 222-223

¹⁴ Там же. С. 222. Этим обстоятельством объясняется различие сведений о числе мусульманских училищ. Казанский статистический комитет насчитал в Казани 8 училищ, профессор Мирза Казем-Бек – 184 училища в Казанской губернии, а в месящеслове было указано 430 училищ. Ильминский пишет: «...Но во всяком случае высших училищ, или медресе, в Казанской губ. должен полагать не менее 50 и в них получающих систематическое образование до 3000 человек». (Там же. С. 222-223). Мирза Казем-Бек, крещеный персиянин, был профессором на отделении востоковедения Казанского Университета, у него Ильминский учился татарскому языку. См.: *П. Афанасьев*. Н.И. Ильминский и его система школьного просвещения инородцев Казанского края // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. ЛП. № 7 (июль, 1914). С. 3-4.

¹⁵ АВКДТ. С. 223.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 224.

¹⁸ Там же. С. 225.

¹⁹ Там же. С. 225-226.

²⁰ *Ямаучи Масаюки*. Мечта Султан-Галиева. С. 70-73.

²¹ АВКДТ. С. 232. О переводе библии на татарский язык см.: *П. Афанасьев*. Н.И. Ильминский и его система. С. 7-8.

²² АВКДТ. С. 231. В 1842 г. была основана Духовная Академия в Казани. Одной из целей ее открытия было христианское просвещение инородцев в Волжско-Камском

крае. При ней было открыто миссионерское отделение антиисламского, антибуддистского и противораскольнического направлений. (Россия. Полное географическое описание. Т. 6. СПб., 1901. С. 333).

²³ АВКДТ. С. 220.

²⁴ Там же. С. 224.

²⁵ В отзыве как пример приведено дело об одной вотячке, перешедшей в ислам. Там же.

²⁶ Там же. С. 227.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 227.

²⁹ Там же. С. 228.

³⁰ Там же. С. 229.

³¹ Там же. С. 229-230. Содержание так называемой системы Н.Ильминского – православного образования инородцев на основе родного языка – было опубликовано впервые в «Православном обозрении» в 1863 г. См.: *Н.И.Ильминский*. Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык // Православное обозрение. № 10 (1863). Заметки. С. 136-141. АВКДТ. С. 449-450, прим. 25.

³² АВКДТ. С. 230.

³³ *Бороздин И.* Современный Татарстан (к пятилетию Татреспублики) // Новый Восток» № 11/12, 1925. С. 126, 131-132.

³⁴ АВКДТ. С. 230.

³⁵ Там же. С. 277. В Буинском уезде проживало самое большое число мусульман – до 43000 чел. из более 90000 чел. в губернии. Крещеных татар в губернии было лишь около 2000 чел. Все они живут в Буинском уезде. *Малов Е.А.* Миссионерство среди мухамедан и крещеных татар: Сб. статей. Казань, 1892. С. 156.

³⁶ АВКДТ. С. 271.

³⁷ Там же. С. 226.

³⁸ Там же. С. 221.

³⁹ Там же. С. 250.

⁴⁰ Там же. С. 275. Это прошение было составлено, возможно, не позднее 27 октября 1866 г. Е.А.Малов, брат которого служил священником в селе Чувашский Сугут Буинского уезда, познакомил нас с указом Симбирского духовного правления от 31 января 1829 г. В нем священникам предписывалось налагать эпитимии за отсутствие крещеных чуваш и татар на исповеди и св. причастии (*Малов Е.А.* Указ. соч. С. 158).

⁴¹ АВКДТ. С. 250-251.

⁴² Там же. С. 236-237.

⁴³ Там же. С. 275.

⁴⁴ Там же. С. 221.

⁴⁵ Там же. С. 270.

⁴⁶ Там же. С. 280. В 1878-1879 гг. волнения татарских крестьян возникли в Казанской губернии после обнародования инструкции Присутствия по крестьянским делам. Она предписывала сельским обществам без учета вероисповедания содержать за свой счет церкви и церковно-приходские школы. См.: Татарская энциклопедия. Казань. 2000. С. 129.

⁴⁷ АВКДТ. С. 276.

⁴⁸ *Глухов Максим.* Ваисовщина // Tatarica. Энциклопедия. Казань, 1997. С. 219.

⁴⁹ АВКДТ. С. 242.

⁵⁰ Там же. С. 240-241.

⁵¹ Там же. С. 241. В.Т.Тимофееву, крещеному татарину, предназначалась важная роль в установлении так называемой системы Н.Ильминского. (О его биографии см.: Прим. 28. С. 433; Прим. 37. С. 462). Н.Ильминский усмотрел в нем идеальный образ духовного лица из крещеных инородцев. С сентября 1864 г. школа по обучению детей крещеных татар на основе системы Н.Ильминского начала свою работу в академической слободе г. Казани. См.: *Ильминский Н. Школа для первоначального обучения детей крещеных татар в Казани // Журнал министерства народного просвещения. 1867. Май. Ч. XXXIV. С. 295-296.*

⁵² АВКДТ. С. 241.

⁵³ Там же. С. 241-242.

⁵⁴ Там же. Прим. 27. С. 452.

⁵⁵ Там же. С. 451. Антоний (до пострижения Яков Говрилович Амфитеатров, 1815-1879) родился в Оренбургской губ. в семье приходского священника, окончил Киевскую духовную академию. В 1851-1858 гг. был ректором Киевской духовной академии. В 1858 г. был хиротонисан в епископа Чигиринского, в 1859 г. переведен на Смоленскую кафедру. Девятого ноября 1866 г. был назначен епископом Казанским и Свияжским. Особое внимание уделял миссионерской деятельности среди инородцев и раскольников. Русский биографический словарь. Т. 2 [Б. м., 1900]. С. 216; *The Modern Encyclopedia of Religions in Russia and the Soviet Union. Vol. 2(1990). P. 180-183.*

⁵⁶ АВКДТ. Прим. 27. С. 452-453.

⁵⁷ Там же. Прим. 27. С. 451.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 252.

⁶⁰ Там же. С. 252-253.

⁶¹ Там же. С. 253-254.

⁶² Там же. С. 256.

⁶³ Там же. С. 257.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Прим. 27. С. 451.

⁶⁶ Там же. С. 451-452.

⁶⁷ Там же. С. 246-247.

⁶⁸ Там же. С. 249.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 250.

⁷¹ Когда Симбирский губернатор обсуждал с епископом Симбирским меры против отступников, последний настаивал на том, что сначала вместе с чиновниками нужно послать «священника, знающего татарский язык, для убеждения татар». Но потом он согласился с мнением губернатора, что прежде – действия светских властей, а затем уже – приезд духовного лица (АВКДТ. С. 267). В представлении, сделанном Н.Ильминским о миссионерстве, он настаивал на том, чтобы миссионерская деятельность носила как можно менее официальный характер.

⁷² Там же. Прим. 28. С. 453.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 454.

⁷⁵ Бобровников Н.А. Нужны ли так называемые противомусульманские и противоязыческие епархиальные миссионеры в губерниях Европейской России? // Православный собеседник. 1905. Февраль. С. 315.

⁷⁶ См.: Нисияма К. Распад и восстановление империи: от Столыпина к Сталину // История России. Токио, 1999. № 64. С. 14-18.